

ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

Д.А. Гусев

DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.13447

СКЕПТИЦИЗМ КАК ФИЛОСОФСКИЙ РЕАЛИЗМ

Аннотация. Скептицизм как тип и стиль философского мышления в его соотнесённости с наивным реализмом как естественной установкой сознания и научным реализмом как убеждённостью в том, что теоретическое мышление, на котором основана наука, может проникнуть в суть вещей и «открыть» то, как устроен мир «на самом деле». Скептицизм как философский реализм – третья и высшая ступень реализма (как дискурса) после наивного и научного реализма; скептицизм как самосомневающееся сомнение – наиболее последовательный тип и стиль философской рефлексии. Единство этимологического, логического и исторического подходов; принцип системности и некоторых герменевтических приемов (в частности, интерпретации и понимания); метод историко-философской реконструкции, который включает в себя приемы первичного (при рассмотрении источников) и вторичного (при привлечении различного рода литературы по изучаемой теме) исследования при отборе необходимого материала; методы имманентного интерпретирующего анализа и компаративистского анализа; метод синтеза как соединения интерпретированного материала в новом качестве. Скептицизм – это философский реализм – как определенный тип дискурса: скептическая «картина мира» принципиально мобильна и пластична, и, как следствие, скептические философские построения обычно не приводят к каким-либо определенным результатам, но в то же время они открыты для различных точек зрения, и поэтому чужды произвольно и бездоказательно, в конечном итоге, принимаемым положениям. Поэтому скептицизм – это именно поиск истины, а не отрицание возможности её достижения, как достаточно часто интерпретируется скептическая философия. Скептицизм в качестве философского реализма можно охарактеризовать как самосомневающееся сомнение, которое, являясь вполне нетрадиционным философским решением, представляет собой вечно ищущее, никогда не удовлетворенное, ни на чём окончательно не останавливающееся философское мышление.

Ключевые слова: наивный реализм, научный реализм, философский реализм, скептицизм, сомнение, теоретическое мышление, парадигма, изостения, философское мышление, истина.

«Errare humanum est, – говорили древние римляне, – человеку свойственно ошибаться». Общим местом мировой духовной культуры является идея о том, что человек, несмотря на свои огромные возможности (по сравнению с другими живыми существами) является все же во многом ограниченным в своих силах и способностях, а также даже – слабым, несовершенным, порочным и т.п. Он не только может, но и должен ошибаться, а иначе он не был бы человеком. Совершенным и не заблуждающимся является только Бог, а удел человека – многого не знать, но стремиться к всеобщему знанию, искать истину и не иметь возможности ее найти, быть, по словам Пифагора, не мудрецом, а только философом (не обладающим мудростью и истиной, то только желающим ее обрести).

По крупному счёту, человек вряд ли может сказать, что он (в области мировоззренческих поисков и ответов на так называемые «вечные», или

метафизические вопросы) что-то *знает*, скорее, – что он во что-то *верит*, т.е. выбирает на свой страх и риск некую систему идей, которая не является, а всего лишь *представляется*, или *кажется* ему более «правильной», чем другие. Однако в большинстве случаев, он настаивает на том, что именно *знает* нечто, и что именно так все и обстоит *на самом деле*, как он утверждает. Так, например, верующий человек, скорее всего, будет говорить не о том, что ему *кажется*, будто бы сверхъестественный мир существует, а о том, что он *действительно* существует, и он об этом именно *знает*; равно как и атеист чаще всего утверждает, что *на самом деле* сверхъестественного мира нет, и что он тоже об этом *знает*.

Одним из философских направлений, утверждающим, что наверняка что-либо *знать* невозможно, но можно *строить* множественные и разнообразные интерпретации мира и человека,

взаимопротиворечащие и конкурирующие друг с другом, является скептицизм.

Скептицизм в философии характеризуется множеством проявлений и имеет многих представителей начиная с Древнего мира и заканчивая современной философией. Однако скептицизм как таковой, в качестве одного из направлений в философии или типа философского мышления, в качестве философской школы появился (как и сама философия) в Древней Греции или, – шире, – в античном мире, где прошел длительную идейную и историческую эволюцию и достиг своего расцвета; т.е. скептицизм в своем наиболее полном проявлении, завершенном виде или аутентичной форме – это античный скептицизм, который, в силу вышесказанного, можно назвать классическим. Кроме того, скептицизм является не только одним из философских направлений, но и представляет собой нечто большее.

Обычно под скептиком подразумевается представитель такого дискурса, в котором решительно все отрицается (идеи, учения, теории – как несостоятельные); мыслитель, который не соглашается ни с одним тезисом, ничему и никому не верит, пытается возразить любому утверждению; широко распространен взгляд на скептика как на разрушителя и ниспровергателя. Такое понимание основных характеристик скептика и скептицизма и является, по крупному счету, ошибочным.

Слово «скептик» («σκεπτικός») в переводе с древнегреческого означает «склонный к рассмотрению, обдумыванию, взвешиванию, сосредоточению внимания на чем-либо», и в данном плане скептик – это всего лишь рассматривающий, обдумывающий, размышляющий, ищущий. Последний представитель античного скептицизма Секст Эмпирик называл скептиков ищущими философами. Его главный, дошедший до нас трактат «Три книги пирроновых положений» начинается со следующей классификации мыслителей: «Ищущим какую-нибудь вещь приходится или найти ее, или дойти до отрицания нахождения и признания ее невосприимчивости, или упорствовать в отыскании. Поэтому, может быть, и в отношении вещей, искомым в философии, одни говорили, что они нашли истину, другие высказывались, что воспринять ее невозможно, третьи еще ищут. Те, что воображают себя нашедшими, называются особым именем догматиков, как, например, последователи Аристотеля, Эпикура, стоиков и некоторые другие; об истине, как о невосприимчивом, высказывались последователи Клитотомаха, Карнеада и другие академики, ищут же

скептики (...ζητοῦσι δὲ οἱ Σκεπτικοί)»¹. Итак, скептики всего лишь ищут, а ищущий, рассматривающий, обдумывающий, размышляющий – это еще не отрицающий и ниспровергающий.

Скептик является всего лишь размышляющим, ничего определенно не утверждающим и не отрицающим, во всем сомневающимся и ищущим истину, а скептицизм – это всего лишь сомнение в процессе такого поиска, призванное удержать мыслителя от поспешных выводов, малообоснованных предпочтений, безусловного принятия тезисов, которые могут быть ложными. «Основой образа философии в современной культурной и методологической ситуации, – говорится в материалах докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, – является единство критической, коммуникативной, педагогической функции. Исполнение функции критики и дисциплины мышления состоит в демонстрации имманентных ограничений способов мысли, осознании их пределов, предупреждении их абсолютизации»². Понятно, что демонстрация имманентных ограничений способов мысли, осознание их пределов и предупреждение их абсолютизации тесным образом связаны с философским скепсисом и, по всей вероятности, трудновоплощаемы, если не невозможны, без него.

Особенность и оригинальность скептической философской позиции выражается в содержании самого понятия скептицизма. Вполне возможно согласиться с профессором А.В. Семушкиным в том, что «...семантика термина скепсис, по-видимому, адекватно передаваема лишь через гегеневтическое описание, путем перечисления и толкования его смысловых нюансов»³.

Обычно «скепсис» переводят на русский как «сомнение», однако такой перевод явно обедняет греческий термин, уменьшает его смысловую на-

¹ Sext. Emp. Pyrrh. I. 1.: Sextus Empiricus. Pyrrhonianum institutionum Libri III // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom I. Lipsiae, 1840; Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений / Пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской // Секст Эмпирик. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 205-380.

² См.: Завьялова М.П., Сухушин Д.В. Ценность философского образования в современных условиях // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса в 5-й тт. (Москва, 24-28 мая 2005 г.). Т. 2. М.: Современные традиции, 2005. С. 376-377.

³ Семушкин А.В. Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Философия. Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Philosophy. М., 1997. № 1. С. 177-178.

грузку, так как придает ему окраску некоторого самодовольного неверия, если не невежества, и своего рода интеллектуальной слабости, если не бессилия. Тем не менее, неверие, которое затормаживает развитие и движение мысли, невозможно признать одним из немногих существенных элементов скепсиса, скорее оно всего лишь один из множества его различных признаков.

Рассматривая скептицизм только в качестве сомнения, вполне можно произвольно проигнорировать несомненно актуальное и плодотворное для философствования вопрошающе-проблематическое состояние сознания, которое скептики намеренно акцентируют, ставя перед собой цель (подобно Сократу) побудить мышление к открытию все нового познавательного опыта. Кроме того, некоторая приблизительность и условность перевода термина «скепсис» в качестве «сомнения» предстанет перед нами в более явном виде, если обратить внимание на то обстоятельство, что термин «скепсис» не является единственным понятием, с помощью которого его представители выражали свою философскую позицию.

Первоначально скептики именовали себя пирронистами, т.е. последователями Пиррона из Элиды, основавшего скептическую школу. Однако от самого Пиррона не осталось никаких сочинений, и ввиду этой незафиксированности его учения в источниках его последователи предложили несколько понятий, с помощью которых возможно раскрыть содержание скептического философского умонастроения.

Свою философию пирронисты именовали не только «скептикой» («κελτικός»), но также – «апоретикой» («απορητικός»), «эффектикой», или «спектикой» («ελοή», «ελεχω») и «зететикой» («ζητικός»). Во-первых, последователи Пиррона являются скептиками, так как они «пристально высматривают» природу вещей, однако никогда не добиваются какого-либо положительного результата в своей деятельности, в силу чего скептицизм представляет собой не столько смущение, нерешительность, слабость, своего рода оцепенение мысли перед истиной, сколько, наоборот, обстоятельное, неторопливое и взвешенное наблюдение и исследование объекта, тщательное всматривание в него, которое однако не преследует цели непременно встать на ту или иную позицию, склониться к некоему определенному решению, выработать отчетливое суждение по рассматриваемым вопросам, так как отличается вполне похвальным стремлением, во что бы то ни стало, не сделать опрометчивых и ложных

выводов, выдавая желаемое за действительное. Во-вторых, пирронисты являются апоретиками, в силу того, что они «затрудняются» выработать какое-либо определенное решение перед лицом логически равносильных, или изостеничных высказываний. В-третьих, последователи Пиррона являются эффектиками, так как они, благодаря никогда не покидающему их особенному изостеничному опыту, «воздерживаются» от всяких утверждений категорического характера. В-четвертых, пирронисты являются зететиками из-за того, что они постоянно «ищут» истину как некую заданную и безусловную цель теоретического познания, которая однако никогда не может быть реализована.

Как видим, ни один из аспектов содержания пирронистского учения не является тождественным идее отказа от познания или его дискредитации и отнюдь не проповедует, как иногда интерпретируется скептическая философия, своего рода перманентного «успокоения» мысли. Как раз наоборот, философская позиция скептицизма характеризуется в первую очередь исследовательской незавершенностью и открытостью для постоянного роста и критического совершенствования знания.

Специфика сомнения скептика заключается в том, что оно адресовано тем положениям, которые заслуживают сомнения или провоцируют его. При этом познавательная потребность не только не чужда скептику, он также знает, вопреки широко распространенному мнению о нем, чего он хочет, и в основе такого его знания лежат своего рода скептические аксиомы, которые однако не являются какими-либо определенными, положительными и принимаемыми на веру утверждениями. Говоря иначе, скептик обладает собственным «кодексом достоверности», который выполняет роль своеобразного регулятора и катализатора скептической познавательной активности.

Если скептик сомневается, то – в достигнутых на определенный момент результатах познания, но не в самом его процессе, не в самом существовании познания. Не изменяя своему основному принципу перманентного сомнения, скептик, тем не менее, питает убежденность в одном, а именно – в факте неизбывной пытливости человеческого ума, в неустрашимости самого «познавательного инстинкта» человека; инстинкта, который, с одной стороны, сам по себе не вызывает у скептика никакого протеста, но, с другой стороны, безотчетно отдаваться власти которого скептик не намерен и потому умеет его контролировать.

Скептик никогда не изменяет своей осторожности в суждениях и тем более не имеет уверенности в том, что истина вообще, или в принципе является достижимой. Однако эта скептическая осторожность является свидетельством не столько слабости, сколько, наоборот, самообладания, так как она подобна осторожности умудренного опытом человека, который считает своим долгом постоянно возвращаться к исходным основаниям собственных изысканий, чтобы лишней раз проверить, не совершил ли он ошибку в самом начале, которая разрушает все его построения.

Таким образом, задача скептика заключается не в том, чтобы представить различные идеи и учения как заведомо неверные, показать их равную ложность и несостоятельность, а, наоборот, в том, чтобы в каждом из них увидеть некую грань истины, найти нечто ценное и важное. Кстати, скептик не может стремиться к утверждению ложности какой-либо идеи, так как основной методологический принцип скептицизма состоит в том, чтобы, во избежание догматизма, ничего не утверждать и не отрицать.

Если скептик, по его собственному признанию только ищет, то его отношение к противоборствующим идеям и теориям должно быть пиететным, потому что некую частицу (пусть ничтожно малую) или некоторый срез (пусть едва уловимый) истины возможно усмотреть в любой идее и в каждом учении. Если же скептики и говорят, что им ничего неведомо, они ни в чем не уверены и ничего определенно не знают, то для них подобные высказывания не являются самоцелью (в противном случае они противоречили бы своему основному принципу ничего не утверждать и не отрицать), но опять же служат цели поиска истины, так как стремиться к ней будет только знающий о своем незнании.

В данном случае скептицизм перекликается с идеями такого отнюдь не скептического философа, как Сократ. Знаменитое сократовское «Я знаю только то, что я ничего не знаю» является не просто констатацией незнания истины или, более того, ее несуществования (что роднило бы Сократа с софистами), но убежденностью в ее существовании и необходимости ее поиска, и поэтому знание о собственном незнании является самым ценным на свете знанием и подлинной мудростью.

Итак, скептицизм есть плодотворное сомнение, и, если философия – это любовь к мудрости, т.е. не обладание истиной, а всего лишь стремление к ней, то скептицизм (а в данном случае можно также сказать – критицизм) является не только и даже не

столько направлением в философии, сколько одним из ее существенных признаков, одной из ее важных характеристик, ведь без сомнения, или критического отношения к идеям, стремление к истине (или любовь к мудрости), скорее всего, невозможно.

В философии более, чем в каком-либо другом виде интеллектуальной деятельности, не может быть окончательных ответов, вполне разрешенных проблем, твердо установленных положений и общепризнанных утверждений. Знаменитая буддистская тетралемма, «суета сует» Экклезиаста, релятивизм греческих софитов, сократовское «я знаю, что ничего не знаю», тропы философского воздержания Секста Эмпирика, апофатическая теология средних веков, «идолы» Ф. Бэкона, «поток впечатлений» у Д. Юма, кантовская «вещь в себе», иррационализм «философии жизни», позитивистский отказ от поиска интегральных оснований бытия, субъективистское сосредоточение в прагматизме, отчаянные герменевтические попытки сознанием преодолеть границы сознания, безысходная трагическая обреченность человека в экзистенциализме – не есть ли все это тяжелое, но откровенное признание человека самому себе относительно незначительных, в конечном счете, познавательных возможностей и малых шансов достижения искомого. История философии представляет собой грандиозное в пространстве и времени сомнение человеческого духа в результатах его нескончаемого поиска ответов на так называемые вечные вопросы. Сомнение, которое появилось одновременно с проблемой познания и рождением самой философии, которое связано со знаменитым ответом Пифагора на вопрос флиунтского тирана Леонта, является ли он (Пифагор) мудрецом: «Я не мудрец, но только философ»⁴. В этих известных словах, условно знаменующих собой рождение философии, достаточно четко обрисована основная философская проблематика: у познания есть границы, разум не всесилен, по, подобно планете, вращающейся вокруг солнца, обречен на вечный путь вокруг света истины и на вечную же невозможность полного с ней соединения. Поэтому скептицизм, который есть не что иное, как сомнение, представляет собой не фрагмент

⁴ См.: Diog. L. VIII. 8.: Diogenes Laertius. De vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri X. Vol. I-II. Lipsiae, 1828-1831; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979.

философского мышления, но один из его наиболее принципиальных и характерных параметров.

В силу вышесказанного автор предлагает рассмотреть возможность охарактеризовать скептицизм как особую, высшую форму реализма (как дискурса), которую можно было бы назвать *философским реализмом*. Первой и наиболее простой формой реализма является *наивный реализм*, под которым обычно понимается так называемая естественная установка сознания, согласно которой мир является таким, каким мы его видим, – установка более всего совпадающая со здравым смыслом, жизненным опытом и привычными ожиданиями. Так например, факт видимого ежесуточного движения Солнца по небосводу с востока на запад может «говорить» о том, что Солнце движется вокруг неподвижной Земли, а геоцентрическая картина мира является наиболее «здоровой» и «очевидной», т.к. более всего соответствует эмпирическим данным и привычным ожиданиям.

Следующую и более высокую ступень реализма можно назвать *научным реализмом*: наука, строящаяся на теоретическом мышлении, не доверяет здравому смыслу, выходит за рамки эмпирических данных, и якобы проникает в суть вещей, выясняя, как устроен мир «на самом деле». Так например, несмотря на всю кажущуюся правоту геоцентрической идеи, мы, доверяя теоретическому мышлению в гораздо большей степени, чем чувственным данным, можем утверждать, что нам только кажется, что Солнце движется вокруг Земли, а «в действительности» имеет место иное положение дел: Земля движется вокруг неподвижного Солнца. Причем это «действительное» положение вещей «раскрывает» наука, что и является одной из ее главных особенностей и задач, одним из основных ее предназначений и – одной из наиболее важных ролей, которую она играет в жизни человека и общества.

Однако научные теории и картины мира часто являются взаимопротиворечащими, конкурирующими и меняют друг друга в истории науки, в силу чего вопрос об их отношении у объективному миру остается открытым. Солнце движется вокруг Земли, или Земля – вокруг Солнца? Конечно же – Земля вокруг Солнца. Но ведь так считают последние 500 лет, а до этого 2,5 тысячи лет как раз «Солнце двигалось вокруг Земли», и никто в этом не сомневался. «Понятно», что все эти 2,5 тысячи лет люди «заблуждались», а вот теперь они знают, как все-таки это происходит «на самом деле». Однако возможно ли предположить, что нынешние представления –

не меньшие заблуждения, чем предыдущие? Вполне возможно. По крайней мере и те, и другие являются в одинаковой степени обоснованными, согласующимися с фактами и «работающими» на практике. Почему же тогда, наши нынешние представления о мире кажутся нам (или даже не кажутся, а являются) более «правильными», чем предыдущие, если не в силу их большей обоснованности? Ответ на этот вопрос может быть таким: они представляются нам более «правильными» в силу нашей *привычки*: они появились достаточно давно, долгое время господствуют в культуре и по этой причине кажутся нам правильными, ведь долгая привычка вызывает иллюзию понимания, иллюзию истины. Тот мир (как природный, так и социальный и лично-субъективный), к которому мы очень хорошо привыкли, кажется нам как единственно возможным, так и – понятным, известным, знакомым – именно таким, каким мы его видим, каким он может, должен быть и каким, в силу привычки, – «он является на самом деле». Одна из задач философии – тотальная проблематизация бытия, а значит – разрушение привычки, в силу чего и возможно говорить о *философском реализме* как скептицизме – не только по отношению к *наивному реализму*, но и по отношению к *реализму научному*.

В концепции исторического развития науки в виде смены научных парадигм в процессе научных революций Т. Куна принципиально подчеркивается равноценность, альтернативность и несопоставимость научных парадигм: невозможно утверждать, что каждая следующая парадигма в большей степени приближается к истине, является более «правильной» и более верно отражает «действительное устройство мира», чем предыдущие парадигмы⁵. Конечно же, господствующая научная парадигма позиционирует себя в качестве «правильной» и фальсифицирует предыдущую историю науки, представляя ее в виде «лестницы», восходящей к «достигнутому» наконец «верному» знанию о мире, которое и заключается в господствующей парадигме. Однако такое самопозиционирование победившей и господствующей научной парадигмы никаким образом не решает проблему истинного положения вещей и не отвечает на вечный философский вопрос о степени ответственности наших знаний действительности.

Понятно, что такой взгляд на познавательный статус науки является неклассическим, или антикумулятивистским (наука не познает мир, но только

⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.

строит различные его интерпретации – альтернативные, равноценные и конкурирующие) и противостоит классическому, или кумулятивистскому пониманию роли науки в жизни человека и общества (наука действительно познает мир, век за веком все глубже проникая в его тайны и глубины). Какой же подход из этих двух является «правильным»? Ответить на этот вопрос не представляется возможным, не вставая на позицию субъективного предпочтения, о которой шла речь в начале этой статьи, когда вместо того, чтобы говорить: «*мне кажется, что это так*», произвольно, необоснованно и даже неправомерно утверждают: «*это так*», когда *вера* (в широком смысле этого слова) выдается за *знание*.

Здесь можно возразить, что автор чрезмерно преувеличивает, когда говорит о произвольном, необоснованном и неправомерном выборе некой интеллектуальной позиции, т.к. этот выбор как раз и является обоснованным, или доказанным, или хотя бы доказуемым. Однако все дело в том, что и противоположный выбор обоснован и доказуем не в меньшей степени, чем оппонирующий ему; в результате чего и возможно утверждать – на основе *равной обоснованности* противоположных позиций – их *равную необоснованность* и, как результат, – произвольность и субъективность предпочтения одной из них, происходящего на основе волевого (иррационального по сути) выбора, но не рационального знания «действительного положения вещей».

В данном случае вновь можно возразить о спорном характере познавательного статуса науки, указывая на то, что она дает практические результаты, которые вполне «работают», что якобы указывает именно на адекватность научных знаний о мире самому миру. «Можно ли строить современные корабли и дома, ничего не зная о свойствах дерева и камня, – справедливо спросят меня оппоненты, – можно ли лечить сложные болезни, ничего не зная об устройстве организма?» «Европейская цивилизация, – скажут мои оппоненты, – создала космические корабли, компьютеры, и не только их, – не на почве наблюдений и привычки, а посредством экспериментов и выяснения в теории сути вещей».

Возможно ли охарактеризовать подобный тезис в качестве общепризнанного? Вряд ли этот вопрос является риторическим. Помимо положения о практике как критерии истины существует небезосновательный тезис о том, что способность человека, преобразуя первую природу, создавать из нее вторую (искусственную) – многообразные технические приспособления, – не свидетельствует напрямую о

возможности и способности человека познавать мир и проникать в суть вещей. По крайней мере, вряд ли кто-то возьмется оспаривать тезис о том, что не существует прямого и безболезненного пути от практически-экспериментально-эмпирического уровня научного познания на теоретический его уровень: при всей взаимосвязи этих двух «этажей» научного познания они являются в достаточной степени автономными, «перемещение» с первого на второй происходит не спокойным подъемом по «удобной» лестнице, а, фактически всегда, – рискованным «прыжком» в виде создания ученым теоретического объяснения, которое, каким бы стройным ни было, ничего не гарантирует своему создателю в плане истины и, по всей видимости не означает проникновения в суть вещей и подлинное устройство мира. Сказанное не имеет своей целью опровергнуть положение о практике как критерии истины, оно всего лишь призвано показать его возможную проблематичность, как одного из широко известных, но не бесспорных философских обобщений.

Физики В.И. Григорьев и Г.Я. Мякишев в своей известной книге «Силы в природе» говорят о катастрофическом положении в современной физике микромира, когда существование множества концепций нисколько не приближает учёных к выяснению его подлинного устройства. Предвидя возражение читателя относительно того, что человек не смог бы поставить себе на службу энергию атомного ядра (создав ядерное оружие и атомную энергетику), если бы наука не проникла в его тайны, они предлагают аналогию с каменщиком, который умеет, например, складывать из кирпичей стены, но при этом ни о свойствах самих кирпичей, ни о том, откуда они берутся, ни имеет ни малейшего представления⁶.

Положение, согласно которому «правильность» научных теорий может быть удостоверена фактами, в данном случае не срабатывает, т.к. факты могут «сказать» о чем угодно именно по той причине, что они ни о чем никогда «не говорят», будучи «безмолвными» или «голыми». По крайней мере теоретическую или априорную «нагруженность» фактов, о которой говорят представители постпозитивизма во главе с К. Поппером, вряд ли возможно отрицать⁷. Одни и те же факты – своего рода детали конструктора, и как из одних и тех же деталей конструктора

⁶ См.: Григорьев В.И., Мякишев Г.Я. Силы в природе. 7-е изд. М.: Наука, 1988.

⁷ Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. L., 1972.

можно собрать множество комбинаций-поделок, так же из одних и тех же фактов можно построить множество различных и противоречащих друг другу научных теорий, или дать одним и тем же фактам различные теоретические интерпретации, ни одна из которых не будет являться более верной, чем другая – именно по причине равной эмпирической подтверждаемости каждой из них.

Итак, первая ступень реализма – это *наивный реализм* («на самом деле» Солнце движется вокруг неподвижной Земли, потому что именно такую картину вещей мы постоянно наблюдаем), вторая, более сложная его ступень – это так называемый *научный реализм* («на самом деле» не Солнце движется вокруг Земли, а Земля движется вокруг неподвижного Солнца, – несмотря на данные наблюдения, теоретическое мышление способно, «правильно» обрабатывая их, проникать в «действительное положение вещей»). Наконец, третья и последняя, высшая ступень реализма – это *философский реализм*, который и является (если философия – это любовь к мудрости) не чем иным, как скептицизмом (мы не знаем, что вокруг чего движется «на самом деле» – Солнце вокруг Земли или наоборот, т.к. никакого «самого дела» на самом деле нет, а есть интерпретации, конструкции, модели и т.п., создаваемые как наукой, так и – философией, религией, искусством и другими формами духовной культуры человечества).

Однако если философский реализм – это скептицизм, то для того, чтобы оставаться именно реализмом, скептицизм должен усомниться не только в тех положениях, которые он подвергает своей критике, но и – в своем собственном сомнении, проблематизировать самое себя, а значит – подорвать и лишит себя собственного основания; и тем самым он перестанет быть скептицизмом и вынужденно превратится в одну из разновидностей догматизма, против которого он выступает. Если же скептицизм не подвергнет сомнению свое собственное сомнение, а напротив абсолютизирует его, тогда он тем более будет догматизмом, а именно – отрицательным догматизмом, родственным например агностицизму. Причем отрицательность такого догматизма здесь ничего не решит в плане реабилитации скептицизма, т.к. в данном случае он будет стоять с любым догматизмом на одной и той же методологической платформе. Эти соображения и возможные возражения против скептицизма хорошо были известны античным скептикам, и они достаточно вразумительно смогли на них ответить.

Последовательный скептицизм, согласно Сексту Эмпирику, конечно же подорвет и свои собственные построения вместе с теми догматическими системами, на которые он направлен: ведь если все сомнительно, то сомнителен и сам скептицизм⁸. Как видим, Сексту Эмпирику не жалко даже собственного скептицизма, но это и не удивительно, потому что, скептицизм оригинален и незауряден тем, что, по крупному счету, он не является философской системой, каким-либо построением, вследствие чего подорвать скептицизм практически невозможно: в нем нечего подрывать и нечего уничтожать. В этом смысле он неуязвим. Секст Эмпирик готов признать, что скептическое сомнение, разрушив догматизм, исчезнет само, подобно тому, как огонь, сжигая вещи, погибает и сам. Главное, подчеркивает скептический автор, что вещи-то оказались разрушенными. В этом и заключается роль и значение скептицизма: он не инструмент, который нужно всюду таскать с собой и бережно хранить, бояться его потерять или сломать. Скептицизм – это огонь, который не требует ни хранения, ни защиты: из ниоткуда берется он и, уничтожая всякий гносеологический оптимизм и самодовольное философствование, исчезает вновь в никуда, всегда готовый появиться там, где нужно, чтобы сделать свое дело.

В самом начале «Пирроновых положений» Секст Эмпирик провозглашает следующее: «ни о чем из того, что будет высказано, мы не утверждаем, будто оно обстоит во всем так, как мы говорим, но излагаем повествовательно каждую вещь согласно с тем, как это ныне нам кажется»⁹. Далее он отмечает, что «скептик высказывает свои положения так, что по своему смыслу они сами себя упраздняют...произнося эти положения, он говорит о том, что ему кажется, и заявляет о своем состоянии, не высказывая о нем никакого мнения»¹⁰. Рассуждая о скептических тропах, он говорит, что «допустимо и то, что они несовершенны»¹¹. Относительно скептических высказываний, Секст Эмпирик замечает, что «относительно всех скептические

⁸ См.: Sext. Emp. Adv. math. VIII. 480.: Sextus Empiricus. Adversus mathematicos sive disciplinarum professores libri VI et Adversus philosophos libri V // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom II. Lipsiae, 1841; Секст Эмпирик. Против учёных / Пер. А.Ф. Лосева // Секст Эмпирик. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1976. Т. 1. Т. 2. С. 7-204.

⁹ Sext. Emp. Pyrrh. I. 4.

¹⁰ Sext. Emp. Pyrrh. I. 15.

¹¹ Ibid. I. 35.

ских выражений следует заранее признать то, что мы вовсе не утверждаем, что они правильны, так как говорим, что они могут быть опровергнуты сами собой, будучи описаны вместе с теми вещами, о которых они говорят, подобно тому, как очистительные лекарства не только избавляют тело от соков, но вместе с ними выгоняются и сами»¹².

Одно из наиболее важных понятий скептицизма – понятие изостении, или равнотения противоположных суждений. Сомневающиеся во всем скептики для того, чтобы оставаться последовательными, должны усомниться и в самой изостении, т.е. уравнивать ее с тем равенством, которое она выражает. В этом случае положение, по которому «скептики только ищут» (т.е. ничего не утверждают и не отрицают, а только сомневаются), не будет, с одной стороны, оборачиваться догматизмом, а, с другой стороны, не будет нести в себе внутреннего противоречия, тем самым нейтрализуя один из распространенных аргументов против скептицизма, по которому он является или своего рода отрицательным догматизмом, или внутренне

противоречивым философским построением; и в этом заключается одно из существенных отличий скептицизма от традиционных типов и форм философского мышления: скептическая «картина мира» принципиально мобильна и пластична, и, как следствие, скептические философские построения обычно не приводят к каким-либо определенным результатам, но в то же время они открыты для различных точек зрения, и поэтому чужды произвольно и бездоказательно, в конечном итоге, принимаемым положениям, ничего не «выносят за скобки», благодаря чему видят правоту (как и неправоту) любой философской идеи. Поэтому скептицизм – это именно поиск истины, а не отрицание возможности ее достижения, как достаточно часто интерпретируется скептическая философия. Скептицизм можно охарактеризовать как самосомневающееся сомнение, которое, являясь вполне нетрадиционным философским решением, представляет собой вечно ищущее, никогда не удовлетворенное, ни на чем окончательно не останавливающееся философское мышление.

Список литературы:

1. Григорьев В.И., Мякишев Г.Я. Силы в природе. 7-е изд. М.: Наука, 1988.
2. Гуревич П.С. Философские традиции в постижении человека // Философия и культура. 2013. № 2. С. 141-143. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.02.1).
3. Гуревич П.С. Философское мировоззрение // Философия и культура. 2012. № 12. С. 4-5.
4. Гуревич П.С. Глупость – родная сестра абсурда // Философия и культура. 2014. № 5. С. 645-650. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963).
5. Гусев Д.А. Античный скептицизм в перспективе эволюции философии науки и становления морали современного общества // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2011. № 5. С. 83-97.
6. Гусев Д.А. Скептические элементы стоической теории познания и становление научного мышления в контексте эллинистической философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2010. № 4. С. 38-45.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979.
8. Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX-XX веков. К истории неокантианства в России // Иммануил Кант: наследие и проект / Под ред. В.С. Стёпина, Н.В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 585-592.
9. Дмитриева Н.А. Религия в пределах человечности: к истории проблемы религии в философии Пауля Натторпа // Вера и знание. Соотношение понятий в классической немецкой философии / Отв. ред. Д.Н. Разеев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 260-270.
10. Завьялова М.П., Сухушин Д.В. Ценность философского образования в современных условиях // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса в 5-и томах. (Москва, 24–28 мая 2005 г.). Т. 2. М.: Современные традиции, 2005. С. 376-377.
11. Зима В.Н. Парменид и статическая концепция времени // Философия и культура. 2013. № 6. С. 756-765. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8058).
12. Копцева Н.П. Истина в философии Платона // Философия и культура. 2013. № 4. С. 429-436. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.04.2).
13. Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.
14. Маркин А.В. Алетейя // Философия и культура. 2013. № 11. С. 1559-1563. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.5102).
15. Рябушкина Т.М. Саморефлексия субъекта познания // Философия и культура. 2013. № 7. С. 985-995. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.6803).
16. Секст Эмпирик. Против учёных / Пер. А.Ф. Лосева // Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1976. Т. 1. Т. 2. С. 7-204.

¹² Ibid. I. 206.

17. Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений / Пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской // Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 205-380.
18. Семушкин А.В. Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Философия. Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Philosophy. М., 1997. № 1. С. 176-187.
19. Счастливцев Р.А. Редукция и эпохэ в феноменологии Э. Гуссерля // Преподаватель XXI век. 2014. № 1. Ч. 2. С. 249-257.
20. Шагиахметов М.Р. Мировоззрение и методология // Философия и культура. 2013. № 8. С. 1057-1064. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.4870).
21. Шелковников А.Ю. Смыслы без семиоза // Философские науки. 2008. № 12. С. 70-86.
22. Шугуров М.В. Соотношение смысла и небытия в антропологической онтогерменевтике: культурно-философские проекции // Философия и культура. 2013. № 10. С. 1353-1367.
23. Diogenes Laertius. De vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri X. Vol. I-II. Lipsiae, 1828-1831.
24. Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. L., 1972.
25. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos sive disciplinarum professores libri VI et Adversus philosophos libri V // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom II. Lipsiae, 1841.
26. Sextus Empiricus. Pyrrhoniatarum institutionum Libri III // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom I. Lipsiae, 1840.

References (transliteration):

1. Grigor'ev V.I., Myakishev G.Ya. Sily v prirode. 7-e izd. M.: Nauka, 1988.
2. Gurevich P.S. Glupost' – rodnaya sestra absurda // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 5. S. 645-650. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963).
3. Gurevich P.S. Filosofskie traditsii v postizhenii cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 2. S. 141-143. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.02.1).
4. Gurevich P.S. Filosofskoe mirovozzrenie // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 12. S. 4-5.
5. Gusev D.A. Antichnyi skeptitsizm v perspektive evolyutsii filosofii nauki i stanovleniya morali sovremennogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2011. № 5. S. 83-97.
6. Gusev D.A. Skepticheskie elementy stoicheskoi teorii poznaniya i stanovlenie nauchnogo myshleniya v kontekste ellinisticheskoi filosofii // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Filosofiya». 2010. № 4. S. 38-45.
7. Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenit'kh filosofov / Per. M.L. Gasparova. M.: Mysl', 1979.
8. Dmitrieva N.A. Kantianstvo na rubezhe XIX-XX vekov. K istorii neokantianstva v Rossii // Immanuel Kant: nasledie i proekt / Pod red. V.S. Stepina, N.V. Motroshilovoi. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2007. S. 585-592.
9. Dmitrieva N.A. Religiya v predelakh chelovechnosti: k istorii problemy religii v filosofii Paulya Natorpa // Vera i znanie. Sootnoshenie ponyatii v klassicheskoi nemetskoj filosofii / Otv. red. D.N. Razeev. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. S. 260-270.
10. Zav'yalova M.P., Sukhushin D.V. Tsennost' filosofskogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh // Filosofiya i budushchee tsivilizatsii. Tezisy dokladov i vystuplenii IV Rossiiskogo filosofskogo kongressa v 5-i tomakh. (Moskva, 24–28 maya 2005 g.). T. 2. M.: Sovremennye traditsii, 2005. S. 376-377.
11. Zima V.N. Parmenid i staticheskaya kontseptsiya vremeni // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 6. S. 756-765. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8058).
12. Koptseva N.P. Istina v filosofii Platona // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 4. S. 429-436. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.04.2).
13. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. 2-e izd. M., 1977.
14. Markin A.V. Aleteiya // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 11. S. 1559-1563. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.5102).
15. Ryabushkina T.M. Samorefleksiya sub'ekta poznaniya // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 7. S. 985-995. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.6803).
16. Sekst Empirik. Protiv uchenykh / Per. A.F. Loseva // Sekst Empirik. Sochineniya v 2-kh tomakh. M.: Mysl', 1976. T. 1. T. 2. S. 7-204.
17. Sekst Empirik. Tri knigi pirronovykh polozhenii / Per. N.V. Bryullovoi-Shaskol'skoi // Sekst Empirik. Sochineniya v 2-kh tomakh. M.: Mysl', 1976. T. 2. S. 205-380.
18. Semushkin A.V. Antichnyi skeptitsizm. Lektsiya 1. Pirronizm // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Filosofiya. Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Philosophy. М., 1997. № 1. С. 176-187.
19. Schastlivtsev R.A. Reduktsiya i epokhe v fenomenologii E. Gusserlya // Prepodavatel' XXI vek. 2014. № 1. Ch. 2. S. 249-257.
20. Shagiakhmetov M.R. Mirovozzrenie i metodologiya // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 8. S. 1057-1064. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.4870).
21. Shelkovnikov A.Yu. Smysly bez semioza // Filosofskie nauki. 2008. № 12. S. 70-86.
22. Shugurov M.V. Sootnoshenie smysla i nebytiya v antropologicheskoi ontogermenevtike: kul'turo-filosofskie proektsii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 10. S. 1353-1367.
23. Diogenes Laertius. De vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri X. Vol. I-II. Lipsiae, 1828-1831.
24. Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. L., 1972.
25. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos sive disciplinarum professores libri VI et Adversus philosophos libri V // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom II. Lipsiae, 1841.
26. Sextus Empiricus. Pyrrhoniatarum institutionum Libri III // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom I. Lipsiae, 1840.